

УДК 801.651
DOI 10.17223/18137083/57/2

А. А. Гриневич

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Устойчивые элементы поэтической системы
обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов:
поэтическая формула**

Объектом исследования являются устойчивые элементы поэтической системы медвежьих песен казымских хантов – формулы, которые рассматриваются в контексте других жанров обрядового фольклора хантов. Выделяются и описываются три основные грамматико-синтаксические конструкции, являющиеся моделями для построения всего многообразия поэтических выражений обрядовых медвежьих песен: конструкция характеристики, конструкция со значением «часть вместо целого» и модель пространственно-временных характеристик объекта. Для выделения и описания формул объединены формальный и семантический подходы. Автор описывает особенности синтаксиса медвежьих песен, дает характеристику сакральному поэтическому языку, сохранившему множество архаичных черт. Затронуты вопросы повтора и варьирования устойчивых поэтических единиц. В процессе исследования проанализирован обширный материал на казымском диалекте хантыйского языка.

Ключевые слова: поэтическая формула, метрика, повтор, вариация, модель.

Любые поэзии мира основываются на ритме. Единицы, которыми задано это ритмическое движение, колеблются от культуры к культуре, от поэзии к поэзии. Для хантыйского обрядового стиха такой единицей является формула.

Термин «формула» в отношении поэтических текстов был предложен М. Пэрри, который понимал под ней «группу слов, которые регулярно встречаются в одинаковых метрических условиях, призванные выражать определенную важную идею» (перевод наш. – А. Г.) [Parry, 1971, p. 272]. Его подход позволил отойти от менее точного термина «повтор» и открыл путь к системному изучению поэтики традиционного стиха. Изучая формулы гомеровских песен, М. Пэрри выделял основной вид, который называл *noun-epithet formula* ‘субстантивно-эпитетная формула’ [Ibid., p. 267].

Гриневич Анна Александровна – кандидат наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; annazog@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 4
© А. А. Гриневич, 2016

В хантыйском фольклоре также существует ряд жанров, в которых присутствуют формулы. В основном это обрядовые формы фольклора: медвежьи песни, героический эпос, молитвы. Формулы используются также в качестве стилистического приема в сказках, а также в повседневной жизни, где служат напоминанием о божественном. Количество употреблений, повторов и вариаций различно для каждого жанра. Это может быть полностью ритмизованный текст обрядового фольклора либо частично ритмизованный (несколько употреблений) сказочный текст. Таким образом, формульность – прием стилистически маркированный: чем более сакрален текст, тем более он структурирован ритмически.

В разное время вопросами хантыйского стиха занимались В. Штейниц, Р. Остерлиц, Е. Шмидт, А. Видмер. Источниками для исследований служили тексты разных жанров и диалектов. Песни на шеркальском и сынском диалектах изучал В. Штейниц; Р. Остерлиц использовал письменные источники: издание Кастрена, Мункачи и др.; Е. Шмидт изучала фольклорный материал северных хантов; А. Видмер рассматривала героический эпос северных хантов. Материалом для нашего исследования послужили записи песен медвежьего праздника на казымском диалекте.

Для всех исследователей актуальными были два аспекта обско-угорского стиха: метрика стиха и его структура, вопрос о которой решался в рамках изучения параллелизма.

В. Штейницу принадлежит заслуга в систематизации метрических разновидностей хантыйского стиха, который он рассматривал в соотношении с напевом. Исследователь делил стих на стопы (*Verfuss*), которые считал минимальными ритмическими единицами [Steinitz, 1941, S. 2]. В идеале каждая стопа состоит из двух слогов. Исследователь выделил десять разновидностей четырехстопного стиха в зависимости от количества слогов, приходящихся на одну стопу [Ibid., S. 7–19]. «Нормальным» типом четырехдольного стиха он считал стих, состоящий из четырех стоп, на каждую из которой приходится два слога: 2222, хотя встречаются и другие его разновидности, такие как 2221, 3222, 3221, 2232, 2231, 3232, 3231. К четырехстопным он также относил глагольный стих, имеющий следующую слоговую структуру: 2211 и 2111. Шестистопный стих распадается на три части, где вторая часть часто повторяется в третьей [Ibid., S. 19–23].

Е. Шмидт также отмечала важность сочетания ритма стиха с ритмом напева и видела в этом мощное средство воздействия на аудиторию: «Поскольку основной любой закономерности является повторение, процесс соотнесения повторяемых структур разных ярусов приводит к изменению психического состояния и у исполнителя, и у слушателей» [Шмидт, 1995, с. 121]. Исследовательница считала, что организующим началом в хантыйской метрике является ударение [Там же, с. 133]. Она выделила законы распределения ударных единиц: в четырехстопных стихах главное ударение падает на первую и третью единицы, а в шестистопных – на первую, третью и пятую. Этот тип метрики свойственен венгерскому народному стихосложению и называется «расчленяющим».

По количеству членов обско-угорские формулы делили Р. Остерлиц и А. Видмер. Р. Остерлиц в своих работах развил идеи В. Штейница о параллелизме [Steinitz, 1934, § 4]. Исследуя остяцкую и вогульскую метрику, американский автор обратил внимание на параллельные структуры. Анализ материала он ограничивал, по его собственным словам, формальными особенностями и не предполагал обращение к семантике, образности, эстетике и т. п. [Austerlitz, 1958, p. 21]. Поэтому формулы он делил по количеству слов. Подробно описывая каждый тип, он рассматривал случаи варьирования каждой позиции, а также правила их комбинации. Параллелизм Р. Остерлиц определял как «неполный повтор» [Austerlitz, 1961, p. 440]. Действительно, любая форма параллелизма может быть рассмотрена

как некоторое соотношение инвариантов и переменных¹. Параллелизм появляется при повторе, но с определенными изменениями, вариацией некоторых членов, находящихся в одной синтаксической позиции. «Два сегмента (стиха) могут считаться параллельными, если они тождественны, за исключением какой-либо их части, занимающей в обоих сегментах относительно ту же позицию» (перевод наш. – А. Г.) [Austerlitz, 1961, p. 339].

А. Видмер также использует структурный подход в своем исследовании. Она выделяет трех- и четырехчленные формулы по количеству слов. Первые она делит на симметричные (XYX) и несимметричные (XYZ). Те формулы, которые имеют больше четырех членов, разделены ею на четырехчленные, распространенные причастным оборотом, и комбинированные, которые являются результатом пересечения двух поэтических формул.

Вслед за В. Штейницем и Е. Шмидт мы различаем именной и глагольный стих [Steinitz, 1941, S. 5; Шмидт, 1995, с. 138–140]. Далее в статье речь пойдет только о стихе именного типа. Формула является минимальной типической единицей обрядового хантыйского стиха. Типичность ее заключается в относительно точном повторе формул в рамках одной песни или даже песен одного жанра. Формула представляет собой словосочетание, характеризующееся устойчивым грамматико-синтаксическим строением и лексическим наполнением, обладающее ритмическим единством, призванное передавать определенный образ. Нужно заметить, что формула – это абстракция, реконструируемая из всех доступных вариантов, использованных исполнителями. Метрически хантыйская формула распадается на две части, разделенные цезурой (ср.: [Widmer, 2000, S. 41]). Первая (левая) часть – эпитетная, вторая (правая) – содержит опорное слово (чаще всего это существительное), которое является ядром, основой формулы. Термин «опорное слово» был предложен Е. Н. Кузьминой, исследующей типические места бурятского эпоса: «В своей структуре типические места обязательно имеют набор опорных, или ключевых, слов, по которым их можно опознать в тексте. Эти слова, связанные в устойчивые словосочетания, со временем обретали образный смысл, представляя собой эпические формулы, функционирующие в структуре эпоса, как в составе типических мест, так и самостоятельно» [Кузьмина, 2010, с. 52]. Хотя Е. Н. Кузьмина говорит о типических местах, которые состоят из нескольких формул, термин «опорное слово» может быть применен и к хантыйскому материалу. Для хантыйской формулы именного типа функцию ядерного опорного слова чаще всего выполняют существительные, обозначающие объект, образ, который эта формула описывает. Эти существительные распространяются прилагательными, причастиями и причастными оборотами. А. Видмер говорит, по сути, о тех же опорных словах, но для хантыйской формульной системы: «Именные стихи характеризуются тем, что все они имеют синтаксически стоящее в центре имя существительное, которое характеризуется рядом атрибутов... Во многих случаях существительное в синтаксическом центре будет брать на себя центральную роль и на семантическом уровне...» (перевод наш. – А. Г.) [Widmer, 2000, S. 35]. Но нужно отметить, что для хантыйского стиха опорное существительное вряд ли будет единицей, по которой формула узнается; узнаваемой ее делает именно эпитетная часть, которая содержит уникальную характеристику объекта.

Особенностью синтаксиса медвежьих песен является позиция определения в именных формулах, которая всегда располагается перед определяемым словом (левая эпитетная часть). Р. Остерлиц, характеризуя порядок слов в формуле, определяет его тип как *rectus-regens*, при котором определение предшествует

¹ Ср.: «Любая форма параллелизма есть некоторое соотношение инвариантов и переменных» [Яacobсон, 1987, с. 121–122].

определяемому: определение субъекта – субъект – определение объекта – объект – определение предиката – предикат. В формуле сначала дается характеристика объекта, потом называется он сам. Эпитетную часть от части, содержащей опорное слово, отделяет цезура. Например, следующие параллельные формулы разделены цезурой на две части с количеством стоп 22/21: *оутэу хори / йирэу лэух* ‘[для] рогатых оленей привязь [имеющий] бог’; *лувэу хори / порэу лэух* – ‘костистыми оленями пирующий бог’ (Текст 56, строки 158, 159, 249, 250). Раскрытие образа идет от более полной и конкретной характеристики к более краткой и общей. Важно назвать главное качество предмета, а потом, если позволит (или потребует) размер стиха, дополнить его более общими характеристиками. Эти дополнительные характеристики зачастую носят вспомогательный характер. Например, *эсмэу мевлэп ай йэм нушах* ‘грудь сосущий маленький славный сыночек’ (Текст 33, строки 74, 76, 94, 95, 98, 219). Стопная структура этой формулы имеет вид 22/22. В правой части формулы раскрывается основа образа – кто-то маленький, грудничок. Во второй части называется сам объект – это сыночек (из контекста песни ясно, что речь идет о сыне богини *Ар-Хотэу-Ими* ‘Многих Домов Женщина’). Эпитеты в правой ядерной части носят общий характер: прилагательные *ай* ‘маленький’ и *йэм* ‘славный’ (подобно *вөн* ‘большой’, *хар* ‘широкий’ и т. п.) благодаря своей краткости традиционно используются для дополнения строки до нужного количества слогов.

Любой член формулы может пропускаться или варьироваться. Этот аспект подробно описан Р. Остерлицем [Austerlitz, 1958]. В случае пропуска в варианте формулы определенной позиции она будет выражена нулевым членом. Варьирование в формуле легче всего изображать схематически, что позволяет наглядно увидеть все варианты формулы, находящиеся в отношении параллелизма (табл. 1).

Таблица 1

Структура формулы с вариантами
(Текст 2, строки 615, 616; Текст 3, строки 50, 51; Текст 19, строка 54; Текст 22, строка 793)

Эпитетная часть		Ядерная часть	
Adj ²	N	Adj	N (опорное слово)
<i>Лялэу</i>	<i>йүх</i>	<i>ай</i>	<i>нүв</i>
<i>Хүньцэу</i>		<i>тарэм</i>	<i>тăхелны/тăхтана</i>
Перевод			
Крепкого	дерева	маленькая	ветка
Гибкого		сильная	щепка

Если соединить стрелками части формулы, то мы получим все возможное многообразие ее вариантов. *Хүньцэу йүх ай тăхелны*, *лялэу йүхи(йө) тарэм нүв(э)*, *хүньцэу йүхи(йө) ай тăхтана*, *лялэу йүхи(йа) тарэм нүв*, *лялэу йүхи(йө) тарэм нүв* – эти варианты были зафиксированы нами в текстах. Все возможные варианты могут и не встретиться в конкретном исполняемом тексте, но существует вероятность, что когда-нибудь сказитель употребит или уже употреблял любой из них.

² В статье используются следующие условные обозначения: **Adj** – прилагательное, **N** – существительное, **N-ки** – существительное с постпозитивной частицей *-ки*, **Num** – слово счетной семантики.

В приведенном примере в одном из вариантов пропущено опорное слово *й̆х* ‘де-рево’, что не нашло отражение в таблице: *й̆л̆л̆н̆ тар̆м̆ н̆в̆ х̆* ‘крепкая сильная ветка мужчина’. В этом случае, чтобы сохранить метрическую структуру формулы, исполнитель употребил в конце формулы существительное *х̆* ‘мужчина’, которое в данном контексте выполняет метрическую функцию. Этот случай похож на оговорку. Опорное слово также может варьироваться, но не может быть пропущено. В случае варьирования оно заменяется синонимом или более общими словами *ш̆л̆* ‘половина’, *х̆* ‘мужчина’ и т. п.

Можно выделить три модели, по которым строятся хантыйские поэтические формулы. Каждая из моделей обладает собственной семантикой. До сих пор в научной литературе описаны лишь так называемые этимологические фигуры [Steinitz, 1941, S. 41–46]. Вслед за В. Штейницем их описание уточнил Р. Остерлиц [Austerlitz, 1958, p. 108–119]. Этот прием принято также называть тавтологией – повтором корня. Он не так развит, как в эпической традиции южных сибирских народов, например тувинцев [Донгак, 2006; Тирон, 2015], но тем не менее он фиксируется на уровне типических структур поэтического текста.

Модель I. Наиболее частотной является модель, названная нами **конструкцией характеристики**, которая используется, когда необходимо назвать отличительные черты объекта, охарактеризовать его. Именно такой тип поэтических формул М. Пэрри называл *noun-epithet formula*. Ее самый распространенный вид представлен в табл. 2.

Таблица 2

Модель конструкции характеристики

Эпитетная часть		Ядерная часть	
1	2	3	4
Adj	N	Adj	N

Приведенная модель – самая распространенная в медвежьих песнях. Варианты формулы, построенные по такой модели, следуют друг за другом, дополняя характеристику объекта (прием градации): *Өхэл нөй(йө) тэҗән хинт, / Лүв(э) вөҗи(йө)ий̆л̆мал, / Өхэл й̆рмак(э) тэҗән хинт, / Лүв(э) вөҗи(йө)ил̆мал(э)...* ‘Тонким сукном наполненный кузов, / Он оказался, / Тонким шелком наполненный кузов, / Он оказался...’ (Текст 22, строки 593–596).

Типичной для конструкции характеристики является четырехчленная структура, где 1–4 – это метрические позиции, на каждую из которой падает одно ударение. Любая из позиций может состоять из двух более кратких слов. Так, формула *й̆шук̆ла в̆рт̆ пух̆ сэв̆ән̆ ай̆ най̆(й̆ө)* ‘водяного ворта³ сына с косами младшая богиня’ (Текст 62, строки 5, 55, 70, 87, 90, 91) метрически делится на четыре части: *й̆шук̆ла / в̆рт̆ пух̆ // сэв̆ән̆ / ай̆ най̆(й̆ө)*. То же можно сказать о формуле *Хиш̆ рот̆ / хон̆ән̆ // вөн̆ л̆өңх̆ / ими* ‘У костра живущая великая богиня женщина’ (Текст 48, строка 58). Часто позиция 3 содержит сразу два односложных прилагательных вместо одного: *ар̆ й̆йм̆ ш̆й̆нйэ* ‘многие славные спины’ или *вөн̆ й̆йм̆ й̆шук̆* ‘великие славные воды’ и т. п., поскольку именно в этой позиции стоят определения, носящие вспомогательный метрический характер.

Сама модель также употребляется с большим количеством вариаций. Каждая формула – это небольшой кусочек реальности, который показывается с характер-

³ Божества.

ной для него стороны. Именно поэтому самой вариативной ее частью являются члены, стоящие в эпитетной части.

В позиции 1 часто вместо прилагательного встречается числительное. Такие формулы подчеркивают многочисленность или, напротив, уникальность описываемого объекта: *хэс нэуэм үүлэу нэ* '[Среди] двадцати женщин говорящая женщина' (Текст 38, строки 43, 64, 76); *хөлмөн хотпи хотэу көртэ, ньален хотпи хотэу көртэ* 'из трех домов с домами селение, из четырех домов с домами селение' (Текст 22, строки 1069, 1205, 1227, 1232, 1233, 1306). Числительное в таких формулах может заменяться на слово со счетной семантикой: *хэс хор хөхлэм лантэу вөн Ас*, *ар хор хөхлэма хүйэу вөн Ас(э)* 'двадцатью оленями избеганная кормящая великая Обь, многими оленями избеганная рыбная великая Обь' (Текст 22, строки 119, 121).

В качестве эпитета в левой части формулы используются числительные, прилагательные, адъективированные существительные с суффиксами *-ни*, *-эн* или *-эу*, а также причастия. Например, *хэтыен күйри йэмэу вөн вой* 'с шестью ногами священный великий зверь' – букв.: с ногами (Текст 27, строки 67, 71, 78, 81, 156, 162, 169, 170, 177, 186, 189, 206, 214, 223, 230, 234, 235).

Вариативность также достигается за счет того, что в одной позиции могут употребляться как прилагательные, так и существительные. Эта особенность часта в позиции 2. В случаях употребления существительного в позиции 2 основной образ, которому посвящена формула, сопоставляется с другим объектом, его напоминающим. Такие образы не редкость в обрядовых песнях. «Будучи эквивалентен относительно прилагательному, субстантивный атрибут всегда обозначает качество не непосредственно, а через отношение к предмету, им обозначаемому» [Стеблин-Каменский, 1978, с. 23]. Даже в рамках одной формулы существительное может быть употреблено и в адъективированной, и в субстантивной форме. *Сөх хөрлэн лантэу вөн Сөн* 'С осетровым руслом (букв.: русловая) кормящая великая Сось' (Текст 22, строка 256); *вуш хөр ланты цүнэу хөр* 'нельмовое русло [имеющее] кормящее удачливое русло' (Текст 22, строка 127). Хотя такие случаи варьирования внутри одной формулы и редки. Обрядовый язык благодаря своему сакральному статусу сохраняет многие архаичные языковые особенности. Такие примеры могут свидетельствовать о так называемом инкорпорированном эпитете, пережитке того состояния языка, когда название отвлеченного признака, то есть имя прилагательное, еще не дифференцировалось от названия вещи. Этот период существования для русского языка реконструирован А. А. Потебней, утверждавшим, что «различие между существительным и прилагательным в языке, доступном наблюдению, в историческое время уменьшается по направлению к прошедшему» [Потебня, 1968, с. 37]. В хантыйском обрядовом языке эта черта настолько часта, что можно говорить о сохранении древней слитности грамматических категорий имени применительно к языку медвежьих песен. То есть обрядовые тексты характеризуются не только употреблением архаичной лексики, но и архаичностью грамматических категорий.

Нельзя обойти вниманием этимологическую фигуру, описанную В. Штейницем [Steinitz, 1941, S. 41–46]. Ее особенностью является использование двух однокоренных прилагательных в позициях 2 и 3, первое из которых оканчивается суффиксом *-ни*, а другое *-эу*. Этимологическая фигура как прием используется в модели характеристики, но по семантике сближается с моделью II со значением «часть вместо целого», которая будет описана ниже. Формулы *ветэн(э) лүйни лүйэу йэм йош* 'с пятью пальцами пальцы [имеющая] славная рука' (Текст 60, строка 45), *лапэт сэмпэ сэмэу лоьщ* 'с мягкими глазами глаза [имеющий] снег' (Текст 33, строка 344) построены по абсолютно одинаковой грамматической модели характеристики [Num + Adj_{-ни} + Adj_{-эу} + Adj + N], различно только лексическое наполнение, что заставляет считать их разными формулами. Семантика кон-

струкции с редупликацией корня состоит из трех компонентов: 1) характеристика объекта, 2) интенсивность признака или интенсивность действия, 3) часть вместо целого. Прилагательные в этих формулах являются однокоренными (так же как и в структуре со значением «часть вместо целого»), что и заставляет нас говорить об акцентировании определенной части объекта.

Модель II. Структурно совершенно отличной от конструкции характеристики является модель со значением «часть вместо целого», которая имеет трехчленную структуру (табл. 3).

Таблица 3

Модель конструкции
со значением «часть вместо целого»

Эпитетная часть		Ядерная часть
1	2	3
Adj	N	N

Прилагательное в позиции 1 является однокоренным существительному, стоящему в позиции 3, и образовано путем прибавления к корню суффикса *-эу*. Например, *њулэу вой нулэна(ө)* ‘носатого зверя нос’ (Текст 37, строка 281) или *ухэу лытата ухийөиелэ* ‘головы листьев с головой’ (Текст 39, строка 485). Такие конструкции чрезвычайно частотны. Семантическая классификация не позволяет считать все формулы этого типа вариантами. Основанием разделения на разные формулы является семантика опорного слова (ядра формулы), которое занимает позицию 3. Ядром этой формулы является редулицированное слово, которое благодаря повторению в тексте акцентируется.

Наш материал показывает, что тавтология как поэтический прием встречается во всех типах поэтических формул, поэтому, основывая свою классификацию на выделении грамматических моделей, в самостоятельную модель мы его не выделяем, считая характерным хантыйским поэтическим приемом. Разложение объекта на части, акцентирование внимания на отдельной его части – это, на наш взгляд, стремление постичь объект во всей его полноте, а значит, объяснить его.

Модель III. Третья грамматико-синтаксическая модель названа нами **моделью счетной семантики**, которая чаще всего употребляется в контекстах, когда необходимо подчеркнуть удаленность объекта или временную протяженность действия (табл. 4). В основе структуры модели – предложение условия. Корень опорного слова дублируется (прием тавтологии, этимологическая фигура), а к существительному в позиции 1 добавляется послелог со значением условия *-ки* ‘если’.

Таблица 4

Модель счетной семантики

Эпитетная часть			Ядерная часть
1	2	3	4
N-ки	Num	Adj	N

Семантика этой структуры всегда связана с измерениями: *Лӱја-ки сот лӱј и йӱрие / Лӱв па(ә) мийли(йӱ)лӱмај(ә) ищи(йӱ)* ‘Если саженями [измерять], то в сто саженной одного осетра / Он еще отдал тоже’ (Текст 62, строки 96–97).

Атрибутов, характеризующих объект, может быть несколько, как, например, в формуле *Мӱрӱл-ки тум хӱлама хӱвја(ә) йӱм мӱр / Лӱв па(ә) маньӱлӱмај(ә) ищи* ‘Если сезоны, то три долгих славных сезона (букв.: промежутка) / Они еще проходили тоже’ (Текст 39, строки 329–330), где в структурной позиции 2 стоит числительное или слово со счетной семантикой, а в позиции 3 – прилагательное. Материал показывает, что позиция 3 может пропускаться, тогда формула принимает вид трехчленной.

Такая модель употребляется как во временном значении (предыдущий пример), так и в пространственном: *Хураја-ки арии(ә) йӱм хур, / Панӱл-ки тум арја(ә) йӱм пан / Ма па(ә) ловајт(ә)лӱмем ищи(йӱ)*. ‘Если плёсы, то много славных плёсов, / Если песчаники, то много славных песчаников / Я еще греб тоже’ (Текст 39, строки 561–563). В обоих случаях, однако, эта модель означает удаленность объекта, что позволяет говорить о нерасчлененности понятий времени и пространства в хантыйском фольклоре. Оба варианта формулы употребляются в одном контексте: описание пути к землям, в которых проживает божество. Формулы, построенные в соответствии с этой моделью, характеризуют земли как удаленные и труднодоступные.

Таким образом, обрядовая поэзия медвежьего праздника в наивысшей степени типизирована и состоит из устойчивых повторяющихся элементов. Типическими являются образы божеств, описания обрядовых действий, характеристики окружающих человека предметов. Устойчиво не только лексическое наполнение формулы, что бросается в глаза, но и модель, по которой они строятся. Все многообразие поэтических строк основано на ограниченном наборе типовых грамматико-синтаксических структур, служащих моделями для их построения.

Список литературы

- Донгак У. А. Тувинское стихосложение. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2006. 152 с.
- Тирон Е. Л. Песни тувинцев-тоджинцев: жанры ыр и кожамык: Дис. ... канд. иск. Новосибирск, 2015. 270 с.
- Кузьмина Е. Н. Константные элементы в повествовательном фольклоре манси // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: Материалы Всерос. науч. конф. (19–22 мая 2008 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. С. 52–60.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 174 с.
- Шмидт Е. Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве (внутрострочный уровень) // История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 121–152.
- Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
- Austerlitz R. Ob-Ugric Metrics. The Metrical Structure of Ostyak and Vogul Folk-poetry. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia. Acad. scientiarum fennica, 1958. 128 p. (Folklore Fellow Communications; № 174).
- Austerlitz R. Parallelismus // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1961. P. 339–443.

Parry M. Studies in the epic technique of oral verse-making. I. Homer and homeric style // *The Making of Homeric Verse*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971. P. 266–324.

Steinitz W. Der Parallelismus in der finnischkarelischen Volksdichtung. Helsinki, 1934. 249 S. (Folklore Fellow Communications; № 115).

Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen. 2. Teil. Stockholm, 1941. 208 S.

Widmer A. Die poetischen Formeln der nordostjakischen Heldendichtung. Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2000. 255 S.

Список источников

Тексты – Материалы комплексной фольклорно-этнографической экспедиции // Архив ИФЛ СО РАН; Сектор фольклора народов Сибири. 72 песни (казымский диалект хантыйского яз.). Зап. в д. Казым, 2002 г. Тексты 2, 3, 19, 22, 27, 33, 37, 39, 56 (исп. Сенгепов П. И., расшифровка, подстрочник Молданов Т. А., пер. Гриневич А. А.); Тексты 38, 60, 62 (исп. Тарлин С. Е., расшифровка, подстрочник Молданов Т. А., пер. Гриневич А. А.); Текст 56 (исп. Молданов А. В., расшифровка, подстрочник Молданов Т. А., пер. Гриневич А. А.).

A. A. Grinevich

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; annazor@mail.ru*

Resistant elements of the poetic system of ritual Khanty songs of the bear festival: poetic formula

The objects of study are the resistant elements of the poetic system of Khanty songs – poetic formulas, which are discussed in the context of other genres of ritual Kazym Khanty folklore. The author reconstructs and describes three basic grammatical-syntactical models according to which all the variety of Khanty poetic expressions is built: construction of characterization, construction «a part for the whole», and model of space and time characteristics of the object. Formal and semantic approaches are combined to reconstruct and describe the formulas. The author reveals the specific features of bear songs syntax, characterizes sacral poetic language which maintains a plurality of archaic traits. The article discusses the question of repetition and variation of resistant poetic units. The extensive material on Kazym dialect of the Khanty language is analyzed.

Keywords: poetic formula, metrics, repeat, variation, model.

DOI 10.17223/18137083/57/2

References

Dongak U. A. *Tuvinskoe stikhoslozhenie* [Tuva versification]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd., 2006, 152 p.

Tiron E. L. *Pesni tuvintsev-todzhintsev: zhanry yr i kozhamyk*. Diss. kand. isk. [Songs tozhu tuvans: yr and kozhamyk genres. Cand. art diss.]. Novosibirsk, 2015, 270 p.

Kuz'mina E. N. *Konstantnye elementy v povestvovatel'nom fol'klоре mansi* [The constant elements in the narrative folklore of Mansi]. *Mirovozzrenie obskikh ugrov v kontekste yazyka i kul'tury: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (19–22 maya 2008 g., Khanty-Mansiysk)* [The ideology of Ob-Ugric peoples in the context of language and culture: Materials

of Russian. scientific conf. (19–22 May 2008, Khanty-Mansiysk). Khanty-Mansiysk, IITs YuGU, 2010, pp. 52–60.

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 3. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo* [From the notes on Russian grammar. Vol. 3: To change the values and replace the noun]. Moscow, Prosveshchenie, 1968, 551 p.

Steblyn-Kamenskiy M. I. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Izd. Leningr. univ., 1978, 174 p.

Shmidt E. *Osnovy metriki v severokhantyyskom pesennom tvorchestve (vnutristrochnyy uroven')* [Fundamental metric in north khanty song creativity (inline level)]. *Istoriya i kul'tura khantov* [History and culture of the Khanty]. Tomsk, Izd. Tom. univ., 1995, pp. 121–152.

Yakobson R. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, Progress, 1987, 464 p.

Austerlitz R. *Ob-Ugric Metrics. The metrical structure of ostyak and vogul folk-poetry*. Helsinki, Suomalainen tiedeakatemia. Academia scientiarum fennica, Folklore Fellow Communications, 1958, no. 174, 128 p.

Austerlitz R. Parallelismus. Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1961, pp. 339–443.

Parry M. *Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I. Homer and Homeric Style. The Making of Homeric Verse*. Oxford, the Clarendon Press, 1971, pp. 266–324.

Steinitz W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen. 2. Teil*. Stockholm, 1941, 208 p.

Steinitz W. *Der Parallelismus in der finnischkarelischen Volksdichtung. Folklore Fellow Communications*. No. 115, Helsinki, 1934, 249 p.

Widmer A. *Die poetischen Formeln der nordostjakischen Heldendichtung*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2000, 255 p.